

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
ЛУЧШИМИ КНИГАМИ 2000 ГОДА

Виктор Калашников

Легенды русских монастырей

Ангелы России

Художник Александр Чаузов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

БЕЛОЕ МОРЕ

СОЛОВЕЦКИЙ

МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КРАСНОГОРСКИЙ

Жемь

КЕМЬ

НИКОЛО-КАРЕЛЬСКИЙ

ОНЕГА

ЕМЕЦК

КРЕСТНЫЙ

КОР. ЕЦ И Я

КАРЕЛЫ

оз. Онега (Онежское)

ОШЕВЕНСКИЙ

Соль-Вычегодск

оз. Нево (Ладожское)

ВАЛААМСКИЙ

СВирь

оз. Белое

ФЕРАПОНТОВ

Сухона

Тотьма

КОПОРЬЕ

ОРЕШЕК

ЛАДОГА

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ

СПАСО-КАМЕННЫЙ

Чудское оз.

ХУТЫНСКИЙ

НОВГОРОД

АНТОНЬЕВ

СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ

ИПАТЬЕВСКИЙ

Псково-Печерский

ЮРЬЕВ

оз. Ильмень

КАЛЯЗИНСКИЙ

Ярославль

КОСТРОМА

ПСКОВ

СТАРАЯ РУССА

оз. Селигер

ТВЕРЬ

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ

ОУГЛИЧ

РОСТОВ

СУЗДАЛЬ

ВЛАДИМИР

ЮРЬЕВ

МУРОМ

ИЗБОРСК

ЛОВАТЬ

Иосифо-Волоколамский

МОСКВА

Клязьма

Она

ПОЛОЦК

КАКАРЬЕВ

Свияжск

КАЗАНЬ

АРЗЯ

Сура

ЧУВАШИ

Ульяновский

ПЕРМЬ

КОМИ-ЗЫРЯНЕ

Устюг

Шарья

Вятка

ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ЧЕРЕМИСЫ

ВОТЯКИ

Нижний Новгород

Вятка

Ветлуга

Унка

Вятка

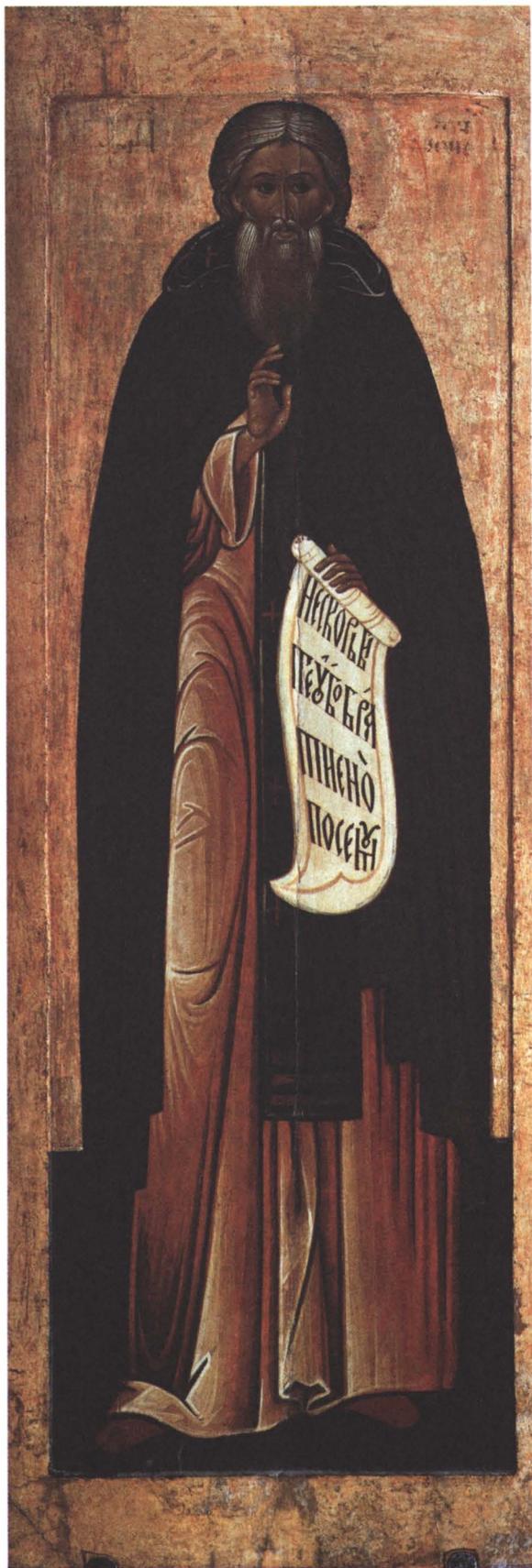

Эта книга о монастырях России. Ни один из них не возник случайно, основание монастыря происходило будто по указанию свыше, которое раньше считали чудом, а теперь называют легендой. Каждая легенда имела свое историческое продолжение. Со временем монастыри становились центрами духовной культуры.

Поначалу мы хотели рассказать о каждом из наиболее известных монастырей России отдельно. Но оказалось, что это невозможно: легенды у них разные, но объединяет их общая история. Монастыри составляют единую цепь духовной мощи, охватившую всю Россию: стоит выпасть лишь одному звену, как разрушится вся цепь... Что и произошло более восьмидесяти лет назад.

История — это не только перечисление фактов и дат. Подчас давние события становятся мифами и легендами. И, может быть, именно они говорят о событиях далекого прошлого более образно и живо, чем учебники. Поэтому в книге нашли отражение и народные сказания наших предков.

Всем известно имя святого заступника Руси Сергия Радонежского. В 1330 году он начал строительство лавры, названной в его честь.

Когда-то ангел в образе монаха помог мальчику Варфоломею найти свой путь в жизни, стать преподобным Сергием.

Но далеко не всем известно, что Сергий обладал особым даром прозорливости. Из скромности он скрывал свои встречи с ангелами и Богоматерью. Со случайных свидетелей этих чудес он брал слово, что те никогда и никому об увиденном не расскажут. Но с течением времени тайны раскрываются...

Однажды отец Сергий служил в церкви литургию. Кроме него там находилось еще трое монахов: старший брат Сергия — Стефан, его сын — Феодор и ученик Сергия — Исаакий, давший обет молчания. Тишину церкви нарушали лишь голоса Сергия, Стефана и Феодора, которые вели службу. Молчальник Исаакий лишь наблюдал за происходящим и молился. Внезапно он увидел пятого человека — в сверкающих одеждах, да и лицо его будто бы светилось изнутри. Этот странный незнакомец подошел к алтарю, стал на колени и принялся усердно молиться, шепотом повторяя слова за Сергием. Пристально смотрел на него Исаакий, заметил свечение вокруг этого человека. Впрочем, свечение монах объяснил себе просто: как отблески свечей на одежде незнакомца, но понять, кто он такой, никак не мог.

«Св. Сергий Радонежский». Икона. XVII век

Когда Исаакий ненадолго отвернулся, погрузившись в молитву, а потом вновь поднял взгляд — незнакомца уже не было в церкви.

Несколько дней монах мучился над этой загадкой, но так и не мог ее разгадать. Наконец, нарушив обет молчания, он спросил у своего учителя, кто же этот человек в сверкающих одеждах?

— Я скажу это тебе только с одним условием: ты будешь молчать об этом до самой смерти, — отвечал Сергей.

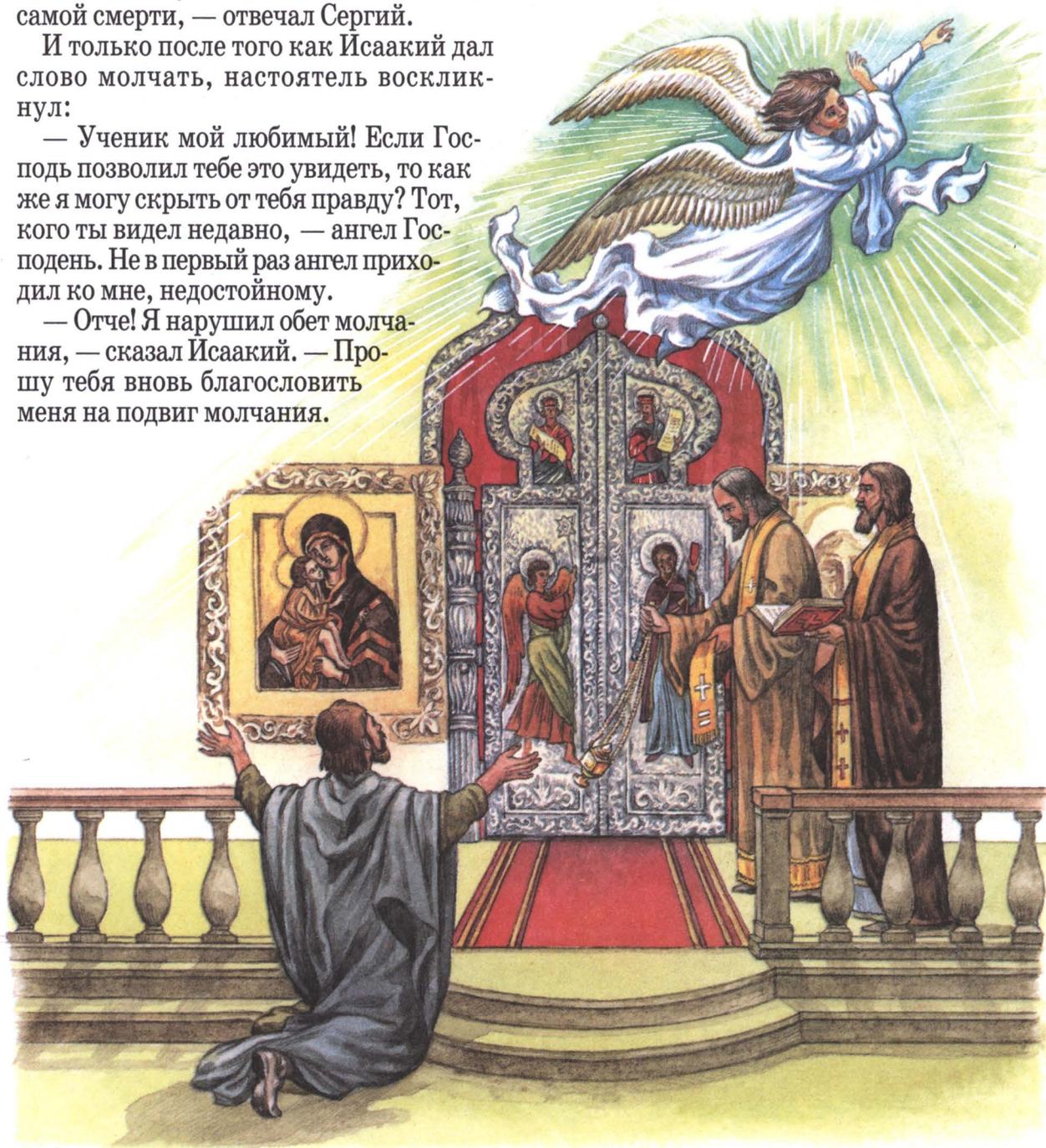
И только после того как Исаакий дал слово молчать, настоятель воскликнул:

— Ученик мой любимый! Если Господь позволил тебе это увидеть, то как же я могу скрыть от тебя правду? Тот, кого ты видел недавно, — ангел Господень. Не в первый раз ангел приходил ко мне, недостойному.

— Отче! Я нарушил обет молчания, — сказал Исаакий. — Прошу тебя вновь благословить меня на подвиг молчания.

— Благословляю тебя, — ответил Сергей и, когда поднял руку для благословения, от его ладони исходило сияние, которое своим светом окутало Исаакия...

В другой раз преподобный Сергей молился перед иконой Богоматери в одиночестве. Потом он поднялся с колен и, выйдя из церкви, увидел одного из своих учеников — Михея.

— Ученик мой, — сказал Сергей ему, — приготовься: сейчас нам будет чудесное видение.

Михей улыбнулся немного недоверчиво: с чего бы вдруг произойти чуду, когда вокруг все так просто и буднично — светит солнце, по небу плывут белые облака... И вдруг яркий свет, сильнее солнечного, озарил все вокруг! Монах, закрыв лицо руками, упал ниц. Сергей склонил голову, полуприкрыл глаза — внезапная вспышка света была слишком яркой и для него. И тут чей-то голос скорее пропел, чем объявил:

— Пречистая грядет.

Преподобный поднял взгляд.

Перед ним в сопровождении апостолов, Петра и Иоанна, появилась Царица Небесная — Богоматерь. Она протянула руку, коснулась Сергея, и после этого неземной свет перестал слепить его. И он услышал ее ласковый голос:

— Ничего не бойся! Я услышала молитву об учениках твоих и монастыре и пришла, чтобы сказать: ничто не угрожает Троице-Сергиевой лавре ни при жизни твоей, ни после смерти. Неотступно я буду хранить ее.

Сказав это, она стала невидимой. Исчезли и апостолы.

Сергий поднял с земли Михея, который лежал без чувств.

— Скажи мне, отче, что значит это чудесное явление? — спросил Михей, едва придя в себя.

— К нам явилась Богоматерь и обещала свое заступничество Троице-Сергиевой лавре, — ответил преподобный, а потом велел: — Позови мне Исаака и Симона.

И когда те пришли, Сергий рассказал все: как видел Богоматерь с младенцем, какое она дала чудесное обещание...

Ученики Сергия, Михей и Исаакий, не пережили своего учителя и хранили обет молчания. Симон же только после смерти Сергия рассказал обо всем писателю Епифанию, а тот поведал нам.

...Но самый важный эпизод русской истории, связанный с Троице-Сергиевой лаврой при жизни ее основателя, — это благословение Сергием Радонежским князя Дмитрия Ивановича на битву с Мамаем. Это сражение произошло 8 сентября 1380 года на Куликовом поле, у реки Дон, и с тех пор князя стали звать Донским.

...Благословил преподобный князя Дмитрия и его воинство на битву, а затем призвал к себе двух монахов лавры — Александра Пересвета и Родиона Ослябю — и сказал им:

— Дети мои, оба вы в мирской жизни знали военное дело. Вспомните же свою удаль молодецкую, возьмите в руки оружие и будьте вместо меня на поле Куликовом под началом князя Дмитрия.

Оба монаха с поклоном приняли освященные мечи.

Сергий продолжил:

Победа над ордынцами на Куликовом поле

— Но не в мечах ваша ратная сила. Силой духа своего вы сокрушите врагов наших. Духовной крепостью одолеете ордынцев. Вместо кольчуг налагаю на вас ангельское облачение — великую схиму.

С этими словами Сергий возложил на головы монахов куколи схимонашеские — головные покрывала, символ отречения от мира.

А затем обратился к князю:

— Смело и без колебаний иди, княже, на борьбу с безбожниками и победишь. В том порукой тебе будут два инока — Пересвет и Ослябя...

Так Сергий Радонежский благословил Дмитрия на битву с Мамаем, а перед самым началом сражения прислал к нему гонца и передал через него: «Без всякого сомнения, господине, с дерзновением пойдь против свирепства их».

Когда битва началась, Сергий молился за русских воинов. Находясь в лавре,

М. Авилов. «Поединок Пересвета и Челубея на Куликовом поле»

он мысленно был на Куликовом поле и все видел: и бесстрашие воинов, и геройскую гибель монахов-богатырей, а также иных русичей, и победу, о которой возвестил первым:

— Великая победа над врагами дарована нам! Служите молебен во славу русского воинства, во славу победителей!..

Н. Пучков. «Троице-Сергиева лавра»

Победа над воинами Мамая не освободила Русь от власти Орды, но избавила от рабской покорности: поняли русские, что можно победить татар и что сила не только в оружии, но и в духовном превосходстве.

Ранее зажатые врагами на узком пятачке в междуречье Оки и Средней Волги, русские двинулись на освоение новых земель. Первыми шли схимники-монахи, распространяя веру и язык, за ними шли крестьяне, которые распахивали землю.

При жизни Сергия Радонежского на новых землях было основано 25 новых монастырей, а после смерти его учениками было создано еще 70 обителей, вокруг которых возникали и росли русские города. Крепла Русь, и не было той силы, которая могла бы воспрепятствовать этому. И везде чттили имя святого заступника России — преподобного Сергия Радонежского. Как помнят его и ныне...

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Все не случайно в русской истории, все связано незримыми нитями. Создатель Троице-Сергиевой лавры преподобный Сергей благословил монаха московского Симонова монастыря Кирилла на основании знаменитой северной обители — Кирилло-Белозерского монастыря, центра русской книжности. Но об этом монастыре разговор впереди. Сейчас же мы расскажем об ученике Кирилла Белозерского — Савватии, создавшем самый северный оплот русской святости — Соловецкий монастырь...

Однажды в храме они остались вдвоем — Кирилл и Савватий. Оба были уже немолоды, беседа их протекала неспешно.

— Сын мой, — начал Кирилл, — ты, наверное, слышал о том, как непросто началось мое служение Христу. Приняв постриг в Симоновом монастыре, я не обрел истинной радости служения. Все дни свои проводил я в работе, никакая не казалась мне чрезмерной. Чистил хлевы, работал на кухне. Даже принимал на себя юродство Христа ради. Был избран архимандритом, но и это не дало мне успокоения. Радостью наполнялось сердце, лишь когда приходил в обитель Сергей. Сколь же непохож он был на остальную братию! О многом мы переговорили с ним...

Задумался Кирилл, и взгляд его просветлел от воспоминаний. Потом он удрученно покачал головой и продолжил:

— Но уходил преподобный Радонежский чудотворец — и словно солнце заходило! Возвращалась моя печаль, которой не было исхода.

Сокрушенно вздохнул Савватий: и ему была знакома эта скорбь.

— Но однажды, — возвысил голос Кирилл, — было то в лето от рожества Христова тысяча триста девяносто седьмое, посетило меня предивное видение: на берегу Сиверского озера, словно из воздуха, соткалась дивная гора, с незнакомым мне именем Маура. Сияла она в лучах, заливающих ее неземным светом. И ангелы Господни летали над нею. Ни одно земное создание не может сравниться с ними! И все они указывали мне на предивную гору. И понял я, отчего томит тоска: надо мне идти в дальние края, отыскать гору на берегу озера и основать там обитель, равной которой нет на Руси... Трудно было на это решиться, годы мои были уже немалые. И в ответ на мои сомнения прозвучал у самого лица моего голос ангельский:

— Ничего не бойся, Кирилл, смело иди к тому, что тебе суждено Господом!

Савватий смотрел на настоятеля и будто видел его впервые: так вдруг изменился Кирилл, словно помолодел.

А тот продолжил рассказ:

— Но и после того я не спешил покидать Симонов монастырь: трудно было решиться уйти с насиженного места... Хвала Господу, помог мне Ферапонт, вернувшийся из северных земель. Он-то и рассказал о суровой красоте тех мест. Вместе мы и пошли, помогая друг другу.

— Знаю, отче, — сказал Савватий. — Но зачем ты поведал мне эту историю?

Кирилл коротко взглянул на монаха и улыбнулся в густую бороду:

— А затем, сын мой, что и ты такой же, как я. Уже и годами не молод, но не обрел покоя и радости, не совершил предназначенного тебе.

— То правда, — вздохнул Савватий. — Все открыто тебе, отче.

— Не мне, а Господу нашему, — строго поправил Кирилл. — Было мне еще Божие откровение — о тебе, Савватий.

Суждено тебе совершить подвиг еще больший, чем выпал на мою долю.

— Мне? — удивился монах. — Да ведь моя брeнная жизнь к концу подходит?

Кирилл улыбнулся:

— Точно так и я думал, перед тем как оставить Симонову обитель. А ведь знаешь, чем все окончилось?

— Да я простой монах... Мне ли с тобой равняться?

Вмиг слетела улыбка с губ Кирилла, стал он строг, как и подобает наставнику:

— Так вот же тебе мое слово: иди на север, нигде не останавливайся. Господь укажет тебе место, где надлежит основать монастырь.

А потом, смягчив голос, сказал:

— Может, в трудах этих ты расстанешься со своим брeнным телом и будешь призван к Господу, но дело твое не пропадет. Будет у тебя и верный спутник, ка-

ким у меня был Ферапонт. Ступай, не медли! То веление Господа нашего Иисуса Христа!

В знак покорности Савватий низко поклонился настоятелю.

И вскоре ушел он из Кирилло-Белозерского монастыря с котомкой за плечами. Шел в одиночестве по диким лесам, случалось ему и со зверем встретиться, но будто сила небесная хранила его от бед. Так добрался он до Ладожского озера, остановился в Валаамском монастыре. Но неуютно ему там показалось, шумно и суетливо — звало его что-то идти дальше на север, как велел Кирилл. Потому и поспешил он уйти из Валаамского монастыря. Шел вдоль Карельского берега, расспрашивая местных жителей, где самая северная земля? Те, едва понимая русский

Кирилло-Белозерский монастырь

язык, знаками показывали: мол, еще дальше, за морем, — там остров, дальше которого только море студеное.

Трудно было престарелому монаху: питался чем Бог пошлет, от непогоды укрывался где придется и все ждал встречи с попутчиком, о котором поведал ему Кирилл.

Наконец встретил русского человека — отшельника Германа, который искал уединения в этих местах. Вместе они решили плыть на необитаемый остров, о котором узнали от местных жителей. В 1429 году Савватий и Герман совершили на лодке опасное морское путешествие и ступили на суровую землю Соловецкого острова. Только камни да сосны были вокруг. Казалось, здесь невозможно прожить и дня. Они жили шесть лет, пока не случилось несчастье...

Герман собрался на материк за продуктами. Савватий остался один. И было ему видение: предстал перед ним светозарный ангел, улыбнулся мягко и сказал:

— Вот и свершил ты свое дело, Савватий. Отныне на этой северной земле будет стоять монастырь во славу Господа, и ты — основатель его.

Не веря своим глазам, Савватий, будто отгоняя видение, покачал головой:

«Зосима и Савватий». Икона. XVI век

— Нет монастыря. Только крест деревянный, что поставили мы с Германом на горе Секирной. Зря мы голодали, ничего у нас не вышло...

— Смотри же на дело рук своих, — сказал ангел, взмахнув рукой.

И озарился каменистый берег светом, обрисовались в воздухе белокаменные стены и высокие храмы. Послышалось пение, но это не ангелы пели, а монахи в храмах возносили молитвы. И чуть дальше, под стенами храмов, раскинулся дивный сад: румянились на солнце яблоки, золотом отсвечивали янтарные груши, даже покрытые легким пушком персики росли на ветвях деревьев. В стороне — бахча с полосатыми арбузами и желтыми дынями.

— Райские сады, — только и смог восторженно произнести Савватий.

Будто мелодичные колокольчики прозвенели — радостно рассмеялся ангел:

— Нет, Савватий, то не райские кущи, — ответил он монаху.

— Значит, ты перенес меня на своих крыльях в дальние теплые страны? — спросил старик.

— И вновь ты не угадал, монах. Ты видишь сады Соловецкой обители.

— Нет, — покачал Савватий головой, — никому не под силу сотворить такое чудо. Не то что персики и арбузы, но и репа не растет на камнях северных островов. От дыхания Ледовитого океана гибнет все живое, лишь сосны могут противостоять ураганным ветрам, да и те едва живы...

— Это чудо сотворится, по воле Господа, руками монахов соловецких. Терпеливым трудом и ежедневной молитвой они преобразят этот остров. И возникнет здесь диво, равного которому нет и не будет на свете.

Задумался Савватий над словами ангела, потом тяжело вздохнул:

— Жаль, что не увижу я этого.

— Ты увидишь больше, — вновь радостно улыбнулся ангел. — Сегодня же ты предстанешь перед Господом, основатель преславной обители Соловецкой.

— Уже? Так скоро? — спросил Савватий и тут же сам себе ответил: — И то

верно, устал я, очень устал... Но как же я уйду без соборования, без отпевания? Герман уехал, я остался один...

— Я перенесу тебя на берег. Там над тобой совершат все обряды, — пообещал ангел.

Они окутались облаком и стали невидимы. И через миг ангел опустил Савватия на Карельском берегу, перед церковью...

В этот же день Савватий умер.

Герман, лишившись друга, не вернулся на остров. Но уже спустя год прибыл в эти края монах Зосима.

Вместе с Германом они поплывут на Соловки. Вскоре к ним присоединятся монахи, начнется строительство монастыря, который узнает и лихие годы, и времена расцвета. Трудами монахов здесь появятся удивительные сады, в которых будут созревать яблоки, груши, персики. Под неярким северным солнцем на бахчах станут наливаться соком арбузы и дыни. Все будет именно так, как показал ангел Савватию перед его кончиной.

Соловецкий монастырь

Легенды в памяти людской живут долго, порою дольше исторических событий, которые породили их...

В самом центре Москвы, на Красной площади, воздвигнут в 1818 году известный на весь мир памятник предводителем народного ополчения Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Работу над ним скульптор Иван Петрович Мартос начал в 1804 году. Потом была Отечественная война с французами, пожар Москвы... И лишь спустя четырнадцать лет появился этот монумент на Красной площади. Отныне каждый мог прочесть: «Гражданину Минину и князю Пожарскому. Благодарная Россия». Неблагодарной осталась Россия к двум монахам, которые сделали для победы над воин-

Памятник Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому в Москве

Настоятель Троице-Сергиева монастыря архимандрит Дионисий (1570—1633) в лихие времена Смуты проявил себя настоящим патриотом. Он организовывал помощь людям, пострадавшим от польских захватчиков, рассылал грамоты по городам России с призывом объединить силы и изгнать врагов.

ством Речи Посполитой не меньше земского старосты Минина и князя Пожарского. Нет рядом с ними фигур ни игумена Троице-Сергиевой лавры Дионисия, ни келаря этого же монастыря Авраамия Палицына. Незаслуженно забыты их имена и дела во славу России...

Далеко от Москвы, на островах в Белом море, где стараниями святых Савватия, Германа и Зосимы был основан Соловецкий монастырь, стоит памятник из черного гранита. На нем еще можно разобрать надпись:

«На сем месте погребен великий старец Авраамий Палицын, знаменитый келарь Троице-Сергиевой лавры, бывший постриженник Соловецкий, прошедший последние семь лет жизни на покое в сей обители. Мир праху твоему, доблестный защитник обители Сергиевой и с нею всей Русской земли!»

Дуют северные ветры будто ветры времен. И новый порыв ветра доносит памятные слова: «Дням доброй жизни есть число, но доброе имя пребывает вовек...»

Только и остались слова, которые хранит северный ветер. Мы же, которым завещана эта память, не помним ничего. Кто этот инок, увенчанный на небесах? Что сделал он для России?

Авраамий Палицын родился в деревне Протасьево, близ Ростова. Состоял на царской службе дворянином. Попал в немилость, был сослан в Соловецкий монастырь, где был насильно пострижен в монахи. Мог бы провести там в монашеских трудах всю оставшуюся жизнь, но случилось чудо: предстал перед монахом ангел Божий и велел ему отправляться в Троице-Сергиеву лавру. Авраамий, как некогда Савватий, пересек на лодке морские воды и лесными тропами пошел в Москву. Оттуда добрался до лавры, где принял на себя заботы о большом монастырском хозяйстве — стал келарем. Здесь и застало его лихолетье, сделало Авраамия не только летописцем, но и активным участником событий Смутного времени.

...В 1584 году, после тридцати семи лет царствования, умер Иван Грозный. Настоящей трагедией стало убийство в городе Угличе царевича Дмитрия. Ползли слухи, что это Борис Годунов подослал наемных убийц, чтобы убрать

претендента на трон. Власть получил сын Грозного, Федор, — силу сменила слабость. Он был последним из династии Рюриковичей: со смертью Федора прекратился древний род. Случилось это в самом конце XVI века, в 1598 году. Вся Россия замерла в тревоге: с наступлением нового века ожидали конца света. О том были предсказания. Многие видели грозные небесные явления.

Смерть царевича Дмитрия как камень, брошенный в воду, от которого пошли круги. Одно насилие вызвало другое, третье, страна погружалась в хаос. От засухи погибал урожай, а вместе с ним и люди. На опустевший трон претендовали многие: от бояр до беглого монаха. Иностранцы захватывали русские земли. Казалось, началось светопреставление...

Много грозных событий произошло в это время, но мы расскажем лишь об одном из них — осаде поляками Троице-Сергиевой лавры.

Если страну лишит законного царя, то начнется хаос и насилие. Если Русь лишит ее православной веры, то тогда придет истинная гибель. О чем и поведал нам монах Авраамий...

В 1608 году поляки и литовцы окружили Троице-Сергиеву лавру. Не могли они без боя захватить эту обитель, защищенную высокими каменными стенами. Да и не одни монахи спасались в лавре. Много здесь собралось русского люда: воевод, воинов, крестьян со своим нехитрым скарбом. Все сошлись под защиту обители Сергия Радонежского, как в незапамятные времена спасался в ковчеге от потопа Ной.

Военачальники вражеского воинства, гетман Петр Сапега и пан Лисовский, направили осажденным ультиматум: требовали сдаться на милость победителей, признать законным царем Лжедмитрия, а главное — принять католическую веру. Начинали письмо увещеваниями, а закончили его угрозами:

«Мы пишем к вам, щадя благородство ваше, помилуйте сами себя, покоритесь великому имени, царю — вашему и нашему! Не предавайте себя лютой и злой смерти, а мы отблагодарим вас землями. Если же сему не покоритесь и не отдадите нам града, мы возьмем его сами и ни один из вас милости от нас не увидит — КАЖДЫЙ УМРЕТ ЗЛОЙ СМЕРТЬЮ!»

Как ошиблись поляки, пугая русских людей смертью! Как же предать веру своих отцов, завещанную преподобным Сергием Радонежским?! Променять честь и достоинство, саму веру на земли?!

Все русские, бывшие в обители: князья, бояре, монахи во главе с архимандритом — продиктовали Авраамию текст ответного письма. Вчитайтесь в эти строки — в них суть русской души:

«Да будет известно вашему темному державству, гордые начальники, Сапега и Лисовский, и прочая ваша дружина, которая соблазняет нас, православных христиан. Знайте, богоборцы, что и десятилетний христианский отрок в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему безумному совету. Какая же может быть польза человеку променять Свет на Тьму, и предпочесть ложь истине, и честь — бесчестью, и свободу променять на горькое рабство? Как нам, знающим, кто должен быть нашим царем, отречься от него? Напрасно вы суетным богатством прельщаете нас! Не хотим богатства против крестного целования!»

Вот как ответили русские люди на угрозы врагов. Они предпочли смерть бесчестью.

И тогда поляки пошли на приступ: рыли подкопы под монастырские стены, пытались перелезть их по приставным лестницам, с высокого холма из пушек обстреливали осажденных. Никого не щадили — ни монахов, ни женщин, ни детей. Старались попасть в церковь, где собирались молящиеся, чтобы убить сразу многих. Пушечные ядра пробивали стены соборов, уничтожали святые иконы. А русские, веря в силу небесного заступничества, молили Господа о помощи и защите. И молитвы были услышаны: сам преподобный Сергей Радонежский в ангельском образе спустился в монастырь. Неуязвимый для вражеских пуль, он вселял веру в монахов, подбадривал отчаявшихся, подсказывал, с какой стороны ждать нападения на следующий день...

В воскресенье, после утренней службы, пономарь Иринарх присел было от-

дохнуть, но вздрогнул, когда увидел, кто посетил его в келье: сразу узнал великого чудотворца, от которого исходило сияние.

Сергий же, подойдя к монаху, сказал ему просто:

— Слушай внимательно, брат, и передай, что скажу, воеводам и ратным людям: завтра поляки пойдут на приступ со стороны пивного двора. Скажи нашим, чтобы приготовились, не слабели духом и с надеждой держали оборону!

Не найдя слов для ответа, пономарь лишь согласно кивнул.

Преподобный же, выйдя из кельи, обошел все строения монастыря и окропил их святой водой. Многие его видели и низко кланялись, не веря глазам своим.

На другой день, в понедельник, многочисленное войско поляков и литовцев устремилось к той стене монастыря, что была напротив пивного двора. Но там их уже ждали защитники, предупрежденные пономарем, и отбили атаку. Враги недоумевали: кто подсказал

С. Милорадович. «Оборона Троице-Сергиевой лавры»

русским, с какой стороны и когда ждать нападения?

Не только русские видели Сергия, но и враги их, и донские казаки, которых поляки обманом вынудили присоединиться к их воинству.

Однажды ночью пришел в монастырь казак по имени Иван Рязанец. Повинился в измене и рассказал, что враги ведут подкоп под круглую башню, надо их там встретить как следует! К сказанному казак Иван добавил:

— В прошлую ночь было видение атамана и казакам нашим. Многие видели, как вокруг града ходили два седобородых старца, светозарных ликом. И странно было: шли они по земле, будто по воде, погрузив в нее ноги по колено. Были это чудотворцы Сергий и Никон. Один нес в руке золотую кадильницу с животворящим крестом и освящал городские стены. Другой же в правой руке держал кропило, в левой руке — чашу, из которой кропил обитель святой водой. И пели они вдвоем

громко: «Господи, спаси люди твоя!» А потом Сергий Радонежский обратился к нашим полкам, и от лица его будто шло святое сияние: «О злодеи, законпреступники! Почто сошлись разорять дом пресвятой Троицы и в нем Божьи церкви осквернять? И монахов, и всех прочих людей губить! Но не даст вам на это благословение Господь!»

Вздрыгнул Иван, вспомнив гневный лик святого. Потом продолжил рассказ: — К нашим же казакам, полякам и литовским людям, стрелявшим по святым из луков и самопалов, стрелы и пули возвращались и поубивали многих из них...

В ту же ночь, пока рассказывшийся Иван Рязанец рассказывал защитникам крепости о явлении им Сергия, сам преподобный явился в снах многим атаманам и казакам. Сильно ругая их, говорил:

— Мольбу на вас, злодеев, сотворю Всевышнему! И во веки осуждены будете мучиться в геенне огненной!

Потом исчез Сергий, и все увидели в своих снах, как в небе сверкают мол-

нии и слышали оглушительные раскаты грома. Под блеск молний с запада и с юга появились два больших озера и, разливаясь, накатили на лагерь, поглотили все полки литовские...

Поутру казаки стали пересказывать друг другу странный сон и поняли, что всем привиделось одно и то же.

Тогда донской атаман Стефан Елифанец — старый воин, которому ни черт, ни дьявол не страшны, пошел в палатку к Сапеге. В то время гетман пересказывал Лисовскому свой сон:

— Ах, пан Александр, какой странный сон я увидел нынче! Не иначе как это к наводнению, как вы думаете?

Услышал эти слова донской атаман, с досады плюнул себе под ноги и плеток каблуком растер. Потом сказал военачальникам:

— Великие гетманы! Я скажу вам, что такие сны бывают не к добру. Это знамение являет нам преподобный Сергей-чудотворец, который не водами пугает, но множество православных воинов ведет на нас. И наше падение будет страшным!

Литовские командиры тут же подняли шум, закричали:

— Пан гетман, велите ему замолчать! Этот неотесанный атаман своими глупыми рассказами возмущает наших людей! Боевой дух падает!

Посмотрел на них Стефан исподлобья, махнул пренебрежительно рукой, а затем вышел из палатки и зычным голосом скомандовал своим казакам:

— По ко-о-о-ням!

И все пять казацких сотен тут же вскочили на оседланных коней, поскакали прочь от стен Троице-Сергиева монастыря, чтобы не творить зло.

Литовцы же, думая, что казаки испугались, поспешили следом — хотели догнать и порубать их. Уже было догнали при переправе через реку Клязьму, но казаки, помилованные Богом благодаря молитвам отца нашего Сергея, ушли не-

вредимыми и вернулись на Дон в полном здравии...

И все же тяжела была для людей длительная осада. Не всем хватало места в кельях и подсобных строениях, многие жили на улице, мокли под дождем, мерзли на холоде.

Несмотря на помощь Сергея Радонежского, многие люди впадали в уныние, просили Бога о скорейшей смерти.

И тогда преподобный, выбрав Авраамия Палицына и с ним еще двух монахов, велел им скакать в Нижний Новгород, куда со всей России собирались воины под начало князя Дмитрия Пожарского и посадского человека Козьмы Минина.

— Поторопи их, — сказал Сергей Палицыну. — Пусть не мешкая идут на Москву, гонят поляков из Кремля вон и от стен Троицы также.

Один из монахов несмело кашлянул, стараясь привлечь внимание чудотворца, потом спросил:

— Отче, как же мы пройдем сквозь вражеский стан? Ведь поляки и литовцы обложили обитель со всех сторон, никого не пропускают. Тут не то что человек, муха не пролетит незамеченной!

*А. Орловский
«Разбойники у ночного костра»*

— Эх, чадо мое, — вздохнул преподобный. — А вера на что? С нею и поезжай смело.

Улыбнулся и, глядя на озадаченные лица монахов, сказал:

— Не печальтесь, помогу вам чем смогу...

Никто не видел, как монахи выехали из лавры, как незамеченными проскакали сквозь вражеские посты. Но в музее Троице-Сергиевой лавры хранится картина, на которой запечатлен подвиг Авраамия и двух его спутников. Словно крылатые птицы, оседлавшие белых коней, со светлыми сияющими нимбами над головами, с низко надвинутыми капюшонами, они плыли сквозь утренний туман, будто небесные всадники, которым не может помешать никакая земная сила. Так и летели они над полями до самого Нижнего Новгорода. В городе же Авраамий пришел к князю Пожарскому, сказал ему напутственные слова:

— Помни, княже, Господне слово, в Евангелии сказанное: «И не бойтесь убивающих тело, души не могущих убить! А если что и случится и пострадаете, то мученики будете перед Господом!» Сам преподобный заступник Руси Сергей Радонежский велел вам идти на Москву без промедления! Как напутствовал он князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, так и тебя благословляет на святое ратное дело — освобождение Руси православной от иноземцев!

Двинулось народное войско из Нижнего Новгорода на Москву, а впереди, рядом с князем и купцом, — Авраамий, келарь Троице-Сергиевой лавры. Будто знамя, развевалась на ветру его ряса...

Меж тем сам преподобный Сергей был далеко от своей обители: неотложные дела привели его в боярское со-

брание. Пришел он туда незамеченным, в облике нищего странника. И стражники его не задержали. Сел в углу и слушал, о чем говорят бояре. А те решали, как лучше всего заключить мир с поляками, а сына короля Сигизмунда, Владислава, пригласить в Москву на царство. Даже бумаги друг другу показывали, по которым выходило, что может польский королевич занять русский престол.

Тут Сергей не выдержал, вышел вперед и сказал боярам:

— Ни к чему все ваши книги, а по Божьему благословию будет царствовать Михаил Федорович Романов!

Те возмущенно зашумели:

— Кто таков? Отчего в палаты юродивого пропустили? Эй, стража, гнать его отсюда взащей!

Но кто может воспрепятствовать святому? Вышел он сам, увидел, что на пло-

*К. Маковский
«Минин на площади Нижнего Новгорода,
призывающий народ к пожертвованиям»*

щади собралось много простых людей — все ждали, что решит боярское собрание, — объявил:

— Князья и бояре обманывают вас! Сам Господь указал Михаилу Федоровичу Романову быть царем, а они хотят поставить над вами польского царька, ненастоящего! Так им будет легче притеснять и грабить вас, простой люд!

Заволновались люди на площади. Толпа в один голос закричала:

— Не надо нам другого царя! Михаил Федорович Романов будет нашим царем!

Бросился народ в палаты, но бояре, испугавшись до смерти, завопили:

— Да что вы, православные?! Да мы сами за то, чтобы избрать Михаила Романова на царство! Вот выбираем, кто поедет к нему с посольством, на царство его звать. Выберите от себя посланников — с нами в Ипатьевский монастырь поедут. Царь-то не боярский, а для всего народа — все и должны его избрать.

Тут люди смутились, стали переговариваться между собой: может, святой

человек что-то перепутал? Вон ведь что бояре говорят: сами хотят Михаила Романова на царство звать! Да и своих представителей надо выбрать... Кого ж послать?

Пока люди советовались, бояре тайком гонца к полякам послали. Прибежал тот, отдышался и передал панам, что ему велели:

— Смута в Русском государстве! Бродит по Руси святой странник, народ смущает, чтобы Михаила Романова на царство избрать. Бояре того не хотят, но не могут против народа идти. Надо, чтобы поляки посольство опередили, поскакали быстро к Костроме, отыскивали Михаила Федоровича да и лишили жизни. А не сделают того, то плохо и боярам, и полякам будет — не помилует их новый самодержец!

Поляки и сами так думали, а потому послали свои военные отряды в Кострому, с тем чтобы обязательно найти Михаила Федоровича Романова и убить. А уж потом на русский трон посадить своего королевича Владислава...

ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Когда Петр, митрополит всея Руси, собирался в Золотую Орду, чтобы проповедовать ордынцам православную веру, его отговаривали:

— На лютую смерть собираешься, отче! На лютую! Или не ведомо тебе, что ордынский хан, именем Узбек, недавно принял веру магометанскую? Или не знаешь, сколь истовы в вере новообращенные?

— Знаю. Обо всем ведаю, — отвечал Петр, но, проявляя твердость (о чем говорит и его имя: Петр — значит ска-

*«Святитель митрополит Петр в житии»
Икона. XV век*

ла), стоял на своем: — Еду в Орду. Господь убережет меня от всех напастей. А случится пострадать за правую веру, так буду мучеником во имя Христа.

С тем и отбыл из Москвы в Казань. И был принят ханом с почетом и уважением. Там с вниманием слушали проповеди «русского муллы», а некоторые татарские князья решили креститься. Среди них был и знатный мурза Чет, получивший после крещения новое имя — Зосима.

Хитро щурился мурза, думал про себя: «От новой веры большого вреда не будет. В случае чего, можно и в магометанство вернуться. Куда важнее политический расчет. Начнутся в Орде раздоры, резня и борьба за власть — уеду в Москву, буду служить великому князю Ивану Даниловичу. Говорят, богат он и власть все большую забирает. Не зря же его Калитой, то есть кошельком, прозвали...»

Петр получил от хана право вершить не только церковный суд, но и мирской. С тем и отбыл на Русь.

Шло время, и, как предвидел Чет, начались в Орде раздоры. Москва под властью Ивана Калиты тем временем строилась, богатела, осваивала все новые и новые земли. А мурза Чет все думал, прикидывал и наконец решился. Собрал своих воинов, погрузил их вместе с конями на плоты и отправился в неблизкое путешествие вверх по Волге. Станный он выбрал маршрут — напрямую от Казани до Москвы куда ближе. Но, словно против его воли, вело Чета—Зосиму на север. И не было тому никакого объяснения.

Впрочем, основная, видимая, причина этого путешествия по Волге была проста и понятна: татарский князь в 1330 году решил оставить Орду и перейти на службу к московскому великому князю Ивану Калите. Но была и иная причина, не понятная ни самому Чету, ни его воинам. Татары зло посматривали на своего

предводителя: если идут за данью, то почему плывут по воде, а не скачут по степи? Но вопросов не задавали, знали: можно и головы лишиться.

Плыли долго и тяжело — против течения, все больше на веслах. Останавливались редко, далеко от реки не отходили — князь торопил, спешил к неведомой цели.

Наконец добрались до устья реки Костромы. Тут и остановились, залюбовавшись открывшимися видами. Много они повидали красивых мест, но здесь было что-то особенное: словно неземной свет исходил от серебристых вод. В шелесте дубрав слышались ласковые ангельские голоса.

Сила, которая гнала Чета, заставляя его торопиться, разом иссякла.

— Ставьте шатры! — крикнул он своим воинам.

Хотел еще что-то добавить, но не смог — без сил опустился на траву. Хотел бы двинуться дальше, да не мог.

Татары быстро поставили шатры, развели костры, бросили в кипящую воду куски баранины и, не доев, уснули, смертельно уставшие. Потому и не видели того, что случилось потом...

... Не успела сгуститься вечерняя тьма, как начался рассвет, но странный рассвет: восходящее светило не слепило глаза. Мягким внутренним светом сияла каждая травинка, каждый цветок. В наступившей тишине зазвучало неземное пение. И будто крылья невидимых существ всколыхнули воздух у самого лица Чета.

«Что это?» — хотел он спросить, но с пересохших губ сорвался лишь глухой стон.

— Зосима, — позвал кто-то мурзу, назвав его христианским именем.

Он обернулся.

В сияющем воздухе, над водами реки, стояла женщина с ребенком на руках. Князь сразу узнал ее — видел на русских иконах лик Богоматери. Рядом с ней — двое святых. Зосима ничего не спросил у них, и они ничего не говорили: беседа была без слов. Он молча смотрел на них и многое узнавал как бы... силой духа. Первый — апостол Филипп, ученик Иисуса Христа. После ухода Учителя он проповедовал среди диких кочевников Скифии, от них же и принял мученическую смерть: был распят вниз головой.

Второй святой — епископ давно несуществующего государства Пафлагонии, Ипатий Гангрский. В далеком четвертом веке проповедовал он христианство среди диких горцев — превосходных наездников, но грубых и невежественных людей. От их мечей и погиб, когда возвращался домой с первого Вселенского собора.

Зосима понял, что святые предстали перед ним не случайно. И Филипп, и Ипатий — христианские мученики, в своей земной жизни жили не на Руси, как и он... Оба проповедовали среди диких кочевников — таких, как и его воины... Оба погибли мученической смертью за учение Христа. И его, Зосиму, ждет такая же участь? Первый погиб в первом веке, второй — в четвертом, а он — в четырнадцатом?

Князь поднял глаза и встретился со всепонимающим взглядом Богоматери. На невысказанное сомнение она ответила доброй и бесконечно терпеливой улыбкой: нет, никто, даже ее сын, не вправе потребовать от человека мученической смерти, это подвиг добровольный.

Татарин устыдился того, что его мимолетное невысказанное сомнение было понято. Ему, бесстрашному полководцу, стало нестерпимо стыдно

и показалось, что он совершил какую-то страшную ошибку. Теперь он сам желал мученической смерти, которой от него никто не требовал.

Внезапно неземной свет изменился: будто на секунду померк, а потом снова вспыхнул, но уже немного иначе.

Зосима поднял глаза и увидел, что Богоматерь с младенцем растаяли в воздухе. Исчез и апостол Филипп. Остался лишь святой Ипатий, указывающий перстом на призрачный, полупрозрачный монастырь, в мгновение ока выросший на берегу реки Костромы.

И Зосима понял: этот монастырь должен заложить он — в этом и состоит его духовное предназначение.

Неземной свет начал блекнуть и скоро совсем исчез... В последний раз прозвучало ангельское пение и стихло в небесных далях.

Казалось, что прошла секунда или — вечность. Но минула всего лишь ночь. На востоке светлело небо, громко пели птицы,

приветствуя рождающийся день. Но Зосима, казалось, не замечал ликования природы: перед его мысленным взором, будто наяву, стоял полупрозрачный дивный монастырь с множеством православных храмов.

...Он разбудил своих воинов. Заторопил их — теперь, когда он наконец осознал, в чем был тайный смысл его поездки в эти края, он спешил воплотить увиденное в жизнь. Знал он, и зачем ему спешить в Москву, к великому князю Ивану Калите. Служба — не главное, куда важнее получить разрешение на строительство нового монастыря в честь святого мученика Ипатия.

Разрешение было получено, и Зосима, вернувшись на реку Кострому, сразу приступил к строительству первого храма — во славу Троицы: Отца, Сына и Святого Духа. В храме было возведено два придела — апостола Филиппа и святомученика Ипатия. Главное место в соборе занимала икона, на которой было запечатлено видение Зосимы. Икона получила имя «Воплощение Пречистой Богородицы».

Позже здесь были построены и другие церкви.

Зосима завещал похоронить себя в Ипатьевском монастыре. Рядом с ним лежат: его сын Александр, внук Иван, правнуки — Константин и Дмитрий, праправнуки, их родственники — бояре Годуновы.

Род Годуновых, ведший свое начало от татарского мурзы Чета, рвался к царской власти и дал России двух царей — Бориса и Федора. Но мало радости принесло царствование Годуновых, больше слез.

Родственники Годуновых — бояре Романовы — вывели Россию из Смуты, на долгие годы озарили ее светом своего мудрого правления.

Впрочем, об этом рассказ впереди. Тут кончается историческая легенда, и начинается... легендарная история.

**СТАРОСТА
ИВАН СУСАНИН**

Не может Русь без царя. Нет его — и на пустой трон всякий проходимец начинает поглядывать: многим жажда власти туманит очи. После смерти последнего из рода Рюриковичей, Федора Иоанновича, много правителей сменилось на российском троне. Семь лет восседал на троне Борис Годунов, не принадлежавший к династии Рюриков, он погиб в 1605 году. Наследник его всего два месяца процарствовал. Сменил его беглый монах Чудова монастыря Гришка Отрепьев, что за царевича Дмитрия себя выдавал, — через год посадские люди и его зарезали. В 1606 году взошел на трон Василий Шуйский. Думал он в лихую годину взять на се-

бя труды по управлению Россией, но не по чину взял, не смог поднять непосильную ношу — четыре года промучился и в 1610 году был свергнут. Тут новый самозванец объявился — Лжедмитрий Второй, которого Тушинским вором прозвали. А полька Марина Мнишек в Тушинском воре признала... своего мужа Лжедмитрия Первого, чудом ожившего! С 1610 по 1613 год сами бояре правили. Но понимали, что долго не продержатся, потому и хотели посадить на русский трон сына польского короля Сигизмунда. Претендента на престол Михаила Федоровича Романова они пуще огня боялись: им не покомандуешь, ему не попеняешь: мол, мы тебя царем сделали, так ты нас во всем слушайся, не перечь! Михаила Федоровича без устали разыскивали, чтобы жизни лишить. Но у бояр Романовых в Костромском крае было много усадеб. Приедут убийцы в одну из них, а верные люди уже перевезли Михаила в другое место. С матерью, монахиней Марфой, Михаил Федорович мог встречаться только в Ипатьевском монастыре, стоявшем уже триста лет. У Романовых в монастыре был свой большой дом с двором и садом. Вот съехались они как-то раз, встретились в своем доме в Ипатьевском монастыре и видят, что поляки у монастырских стен, точно осы, так и вьются и днем и ночью. В монастырь, конечно, сунуться боятся. Поняла тут Марфа, что грозит сыну смертельная опасность. Стала она думать, как Михаила Федоровича спасти.

А тут приехал в монастырь крестьянин Иван Сусанин. Был он в усадьбе Домнино вроде старосты. Потом Марфа сделала его управляющим и доверяла ему как самой себе. У него и попросила монахиня совета, как сына спасти. Не долго думал Иван Сусанин, как поступить...

К. Маковский
«Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова»

...Съездил староста в родное село, привез оттуда крестьянскую одежду и велел Михаилу Федоровичу все боярское с себя снять и облачиться в простые рубаху и штаны. Только сапоги оставил. А поскольку время было зимнее, велел полушубок надеть да шапку. Потом спрятал его в середину воза, под сено, только дырочку оставил, чтобы дышать.

Только из ворот выехал да на лед, что реку Кострому сковал, спустился, как к нему два поляка подъехали.

— Что, — спрашивают, — старичок, везешь?

— Да вот, — отвечает Сусанин, — сенца в монастыре купил, домой везу.

Тут один из поляков хитро прищурился и спрашивает:

— А нет ли у тебя какой поклажи лишней? Скажи лучше сам, а то обыщем и, если чего найдем, тебе хуже будет!

Иван Сусанин на такие слова удивился, даже руками развел:

— Какая же поклажа может быть в сене? Ищите. Если найдете чего, что хотите, то со мной и делайте.

Видят поляки, что старик не боится их угроз, говорит твердо, глаз не отводит, и пропустили его. Только один из них копьём в сено ткнул — проверил. Да Бог миловал — в Михаила Федоровича копьё не попало. Так и проехали благополучно.

Ехали, ехали, и тут начали у Михаила Федоровича ноги стынуть. В одежде-

то он был в крестьянской, теплой, а сапоги боярские — красивые, но для зимы не подходящие, холодно в них. Как тут быть? Свалить воз нельзя — поляки кругом рыщут, заметят, беды потом не оберешься. Вот и решил Иван Сусанин захватить на постоялый двор, хозяин которого ему был хорошо знаком, в случае чего — не выдаст. Но всю правду и ему Сусанин решил не говорить.

Заехали на постоялый двор. Прямо на чистую половину пошли — народу, слава Богу, никого не было.

Хозяин увидел Сусанина да и говорит ему:

— Здравствуй, Иван! А что это с тобой за молодец такой? Что-то я его раньше не встречал.

— И тебе, хозяин, здравия желаю. А молодец ты моего раньше не мог видеть, оттого что он не из наших мест. Брательника моего это сынок, а мне, значит, племянником доводится.

Хозяин внимательно оглядел Михаила Федоровича, хмыкнул недоверчиво:

— Хм, что же это у тебя за племянник такой? Одежда на нем хоть и наша, крестьянская, а обличье и манеры боярские.

Но и тут Сусанин нашелся с ответом:

В. Серов. «Зимой»

— Да чему ж тут удивляться? Он у господина в услужении жил. Вот там всякому благородству и научился. А за хорошую службу бояре ему сапожки подарили.

— Ну что ж, может, и так, — согласился хозяин постоялого двора.

Отдохнули они, обогрелись да и поехали дальше. И вновь Сусанин Михаила Федоровича под сеном спрятал — от недобрых глаз подальше. Пока ехали, Сусанин все думал: в усадьбу, где у Михаила Федоровича дом боярский с прислугой, ехать нельзя. Поляки могут туда наведаться, там и схватят сына Марфы Ивановны. Потому и решил староста ехать к себе домой. Жил он на отшибе, в хорошей избе. Сыновей у него не было. Дал Господь только одну дочь Антониду. Дал ей и мужа хорошего, Богдана Сабинина. Хоть и зять он был Ивану, а любил его старик как сына родного. Так втроем и жили, в мире да согласии.

Приехал к себе домой Сусанин. Дождался, пока стемнело, провел Михаила Федоровича в дом, а сам стал с зятем совещаться, как быть? Долго думали и решили боярина Романова спрятать в тайнике. В ту пору во всех крестьянских домах были сделаны тайники. Каждую минуту можно было ждать поляков: придут, все отберут, самих хозяев избыют, а то и вовсе жизни ли-

шат. Вот от них в тайники и прятали хлеб, деньги и все ценное, а порой и сами там прятались.

У Сусанина было три тайника. Первый — в пристройке у овина. Второй — во дворе у самого Ивана. Третий — во дворе зятя, Богдана Сабинина. В один из этих тайников и решили спрятать Михаила Федоровича, а в какой именно, Сусанин и зятю не сказал.

С тем и спать легли.

Ночь проспали спокойно, а наутро приехал сосед с мельницы и рассказал:

— Беда! У меня на мельнице поляки были.

— Что, грабили? — спросил Иван.

— Нет. Сказали только, что ищут сына Марфы, Михаила Федоровича. Велели, если что узнаю, им сообщить. За то награду обещали.

— Ну, а мне ты зачем все это рассказываешь? — спросил Сусанин мельника.

— Так ведь ты у бояр Романовых управляющим! Предупредил бы их, а то как бы не схватили сына боярского. Только это и хотел сказать.

И. Шишкин. «Первый снег»

Уехал сосед, а Сусанин сразу смекнул, как беду отвести: взял ружье, выпустил собак гончих, надел сапоги Михаила Федоровича и пошел на охоту. Идти было неудобно — сапоги оказались узки, так он голенища распорол и веревками подвязал, чтобы с ног не свалились.

Вышел Сусанин за деревню, прямо по сугробам пошел к болотам, а собак разогнал в разные стороны. Побродил, побродил, все следы запутал, потом сапоги снял, закинул в самую трясиину, переобулся и домой пришел.

А дома его зять дожидается:

— По всем домам поляки рыщут, будто свора псов голодных! Михаила Федоровича ищут, убить хотят!

— У нас еще не были? — только и спросил старик.

И, не дожидаясь ответа зятя, взял за руку Михаила Федоровича, повел его на скотный двор, отодвинул коровьи ясли, разгреб сено, велел Романову лезть в яму и сказал:

— Поклялся я вашей матушке сберечь вашу жизнь и слово свое сдержу, а потому слушайте меня, Михаил Федорович, во всем, что ни скажу. Спускайтесь вниз и сидите там до тех пор, пока я сам не приду. Что бы ни услышали, голосу не подавайте — в молчании ваше спасение.

Согласился боярин повиноваться, безропотно в яму спустился.

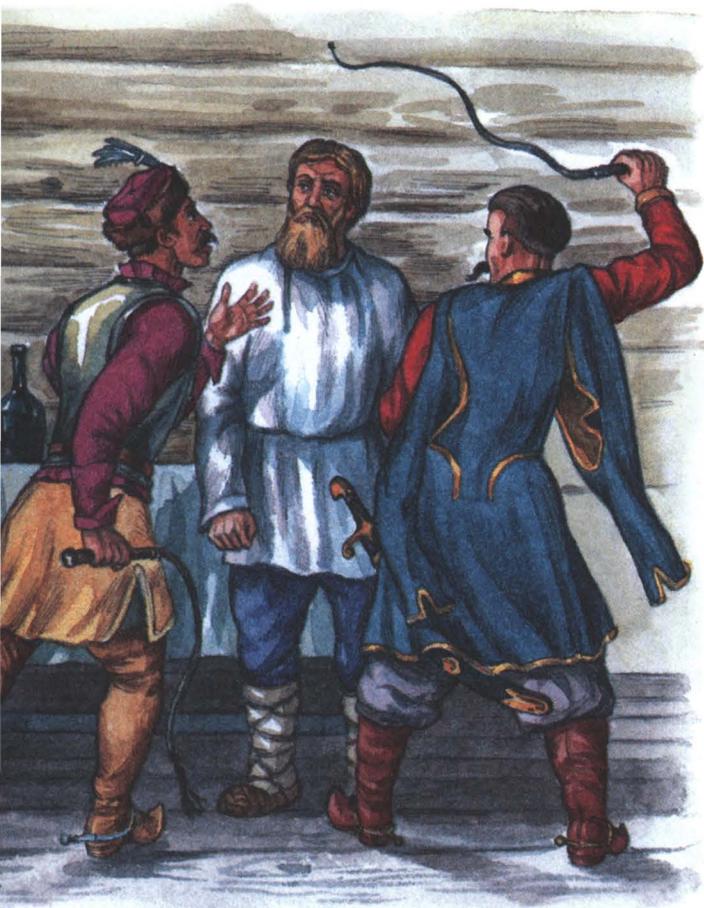
Иван же люк за Михаилом Федоровичем закрыл, соломы навалил, в ясли телушку пустил, будто ничего и не бывало, авось никто ничего не заподозрит.

Сам же пошел к полякам — знал, что все равно встречи с ними не миновать. Враги же обрадовались: сам староста к ним в руки попал, начали его допрашивать, а потом пытали, стегали ременными нагайками. И Сусанин, будто не выдержав пыток, согласился наконец отвести поляков к Михаилу Федоровичу.

Когда пришли к дому, староста, будто и не нанесли ему обиды, предложил полякам у него перекусить да вина выпить, по деревенскому обычаю. Те согласились — устали.

Принес Иван им вина, говядины, хлеба — мол, угощайтесь чем Бог послал. Те и набросились на еду, как собаки голодные. А когда перепились, попросил у них

Сусанин разрешения с дочерью попрощаться.

— Давай, давай, пся крев, — ругаются враги. — Прощайся, только быстро, а замешкаешься, так мы всю деревню сожжем!

Такова была благодарность польская за угощение!

Сначала Иван Сусанин пошел к зятю, сказал ему:

— Богдан, знаешь ведь, что ты мне вместо сына родного стал? Потому как сына и как русского человека прошу тебя: отправляйся в дорогу без промедления. Найди и приведи сюда скорей русских воинов — молодого боярина Романова, будущего царя спасать! Промедлишь, всему царству нашему конец будет!

Обнялись на прощание, и тут же зять потихоньку, чтобы поляки не заметили, отправился за помощью.

А Иван Сусанин стал с дочерью прощаться:

— Ну, Антоня, прости меня Христа ради! Не чаю я сегодня живым остаться. Привел мне Господь праведную смерть принять!

— Что ты, батюшка! — вскрикнула Антонида. — Может, все еще и обойдется! И царя беда минует, и ты жив останешься.

— Нет, Антоня, чует мое сердце: добра не будет.

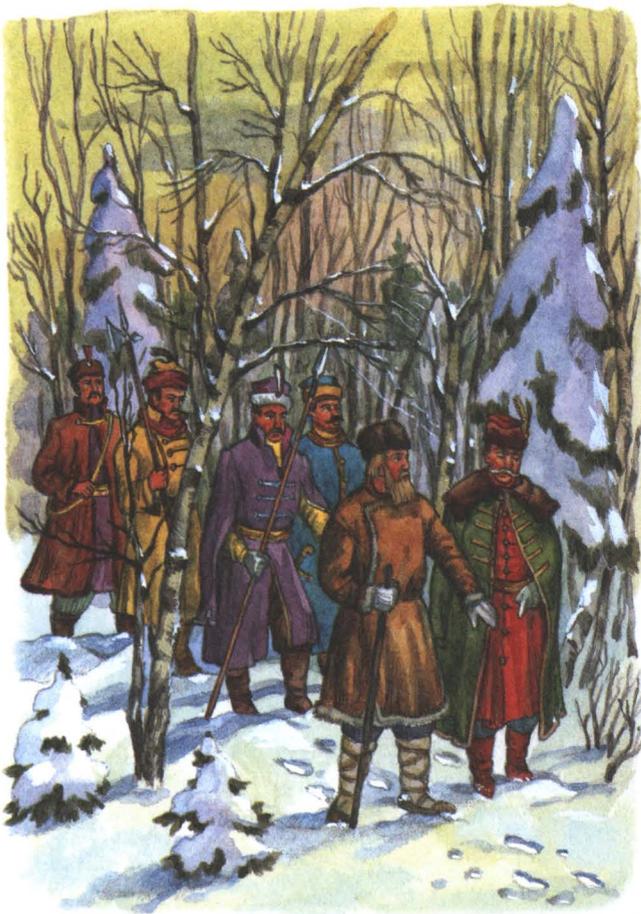
— Слава Богу, хоть проститься довелось... А если что плохое случится, прости меня, батюшка!

Прощались, плакали, конечно.

Вошел Иван Сусанин в дом, а поляки уж совсем пьяные.

— Веди, — говорят, — сейчас к Михаилу Романову! Сейчас мы его порубаем! После этого и всей России не устоять, а нам — победа и слава!

Иван начал было поляков уговаривать, чтобы переночевали, дело ведь уже к ночи, а они кричат:

— Веди нас сейчас же, а то и тебе в живых не быть!

Улыбнулся на те слова Иван, но ничего не сказал — повел поляков по дому. Искали — никого не нашли. Тут Сусанин и говорит им:

— Знаю я, куда Михаил Федорович девался.

— А куда?

— Ушел к дальним болотам.

— Врешь! Нас не обманешь!

— Зачем мне вас обманывать? — отвечает. — Пойдемте, я вам и следы покажу. Сами все увидите.

Вышли за ворота, а там и правда следы от боярских сапог. Те самые следы, которые еще утром Иван Сусанин оставил. А поляки увидели их и потребовали:

— Веди нас по следам!

Ну Сусанин и повел их: сначала через поле, потом вокруг болота, все вокруг одного места кружил. А тем временем ночь наступила. Поляки стали мерзнуть, злиться, начали на старика пашками замахиваться — сейчас порубаем!

Но Иван Сусанин только отмахнулся от польских пашек, сказал, будто обрадовался:

— Вот наконец следы плутать перестали, прямо пошли!

И повел их прямо в самую середину болота, все дальше и дальше от деревни. Завел поляков в самую чащу, кругом бурелом да тинистые ямы, и зимой не замерзающие.

Только тут поляки смекнули, что их провели. Начали Сусанину пистолетами да пашками грозить! Потом от страха у них весь хмель из головы выветрился, протрезвели они, испугались, упали в ноги Сусанину, стали валенки его целовать, богатства несметные сулить.

А Иван как ни в чем не бывало говорит им:

— Кто же заставлял вас на ночь глядя в болото идти? И меня против воли моей погнажи. Что ж теперь сетовать? В темноте я и дороги отсюда не знаю. Подождите до света, там как-нибудь выберемся...

А на рассвете к болоту пришли русские воины, которых зять разыскал. Пошли они по следам, оставленным поляками.

Увидели поляки русских солдат, закричали — поняли, что смерть их пришла. Все разом накинулись на старосту и вмиг изрубили Ивана Сусанина. Но и сами не спаслись: кого русские воины зарубили, кто в трясину провалился...

Принял мученическую смерть Иван под большой сосной, что у деревни Домнино.

Подняли русские люди бездыханное тело Ивана Сусанина, понесли в деревню.

Всем миром оплакивали Сусанина, и больше остальных, конечно, его дочь Антонида и муж ее, который своими глазами видел мученическую кончину тестя.

Михаил Федорович долго сидел в тайнике, все ждал возвращения Ивана Сусанина, но, услышав шум, все-таки решился нарушить запрет и вылез из подпола. Тут он узнал, как погиб Иван.

Плакал Михаил Федорович, склоняясь над порубленным телом верного друга, будто пытаясь оживить его, но не было у него сказочных вод — живой и мертвой. И когда понял боярин безвозвратность потери, то велел похоронить Сусанина в церкви. И было это в 1613 году.

*А. Волков
«Смерть Ивана Сусанина»*

Поэты о подвиге Ивана Сусанина сочиняли поэмы, драмы. Два композитора написали о нем оперы: итальянский композитор Кавос создал оперу «Иван Сусанин», Михаил Иванович Глинка — «Жизнь за царя». В 1838 году в Костроме по повелению императора Николая I был воздвигнут памятник Сусанину. В царском указе было сказано, что памятник поставлен «во свидетельство, что благодарные потомки видели в бессмертном подвиге Сусанина — спасении жизни новоизбранного царя через пожертвование своей жизни — спасение православной веры и русского царства от чужеземного господства и порабощения».

Позже, уже в советское время, в Костроме был возведен второй памятник Сусанину — его подвиг не забыли и в XX веке. И не забудут никогда...

ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Из Домнино Михаил Федорович вернулся в Ипатьевский монастырь. Вскоре сюда же пришло посольство от Московского боярского Собора. Марфе и ее сыну вручили прошение о том, чтобы она благословила Михаила Федоровича стать царем России.

Кто бы отказался от такого предложения? Борис Годунов, Василий Шуйский, самозванцы шли на любые жертвы, чтобы занять русский престол. Но Марфа и слышать не захотела об этом: слишком много пришлось ей вынести от бояр: разлуку с мужем, насильное пострижение в монахини, ссылку в Сибирь, только что ее единственный сын чудом избежал смерти от поляков! Если бы не самоотверженность старосты Ивана Сусанина, то не видать бы ей больше Михаила! Как же после этого согласиться отпустить его из монастыря в Москву — на верную смерть! Жизнь не стоит царского престола.

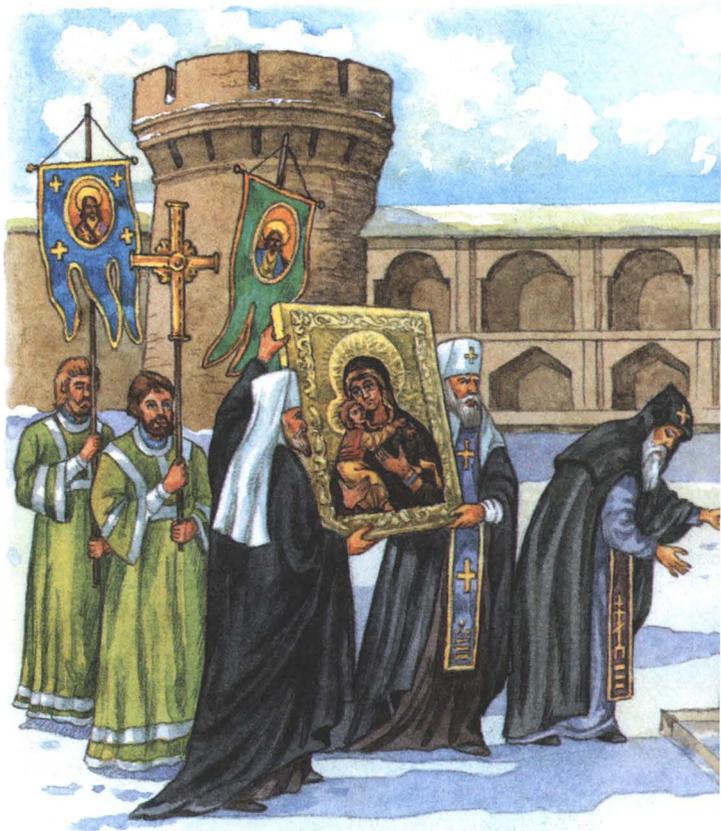
Твердо решив отказаться от предложенной чести, она повернулась и вышла из собора. Но архиепископ вместе с посольством остались на месте. Встав на колени, они молили Господа о том, чтобы Марфа изменила свое решение. Много часов они провели в молитвах. Им некуда было отступать: нельзя было без царя возвращаться в Москву. Без Михаила Федоровича страну ждала неминуемая гибель.

Но Марфа, вернувшись в собор, повторила:

— Не стойте здесь, не молитесь Господа! Не будет моего согласия! Никогда!

Феофан Грек. «Богоматерь Донская»
Икона. XIV век

Тогда келарь Троицкого монастыря Авраамий, взяв из рук архиепископа икону Богородицы, которую написал сам митрополит Петр, поднес ее к Марфе и сказал:

— Взгляните, благоверная великая государыня Марфа и благоверный и благородный великий государь Михаил Федорович, на эту чудотворную икону! Почему вы хотите послушаться воли Пресвятой Богородицы? Отчего гневите Господа?

Тогда упала на колени монахиня Марфа и взмолилась:

— Мать Господа нашего! В Твои пречистые руки, Владычица, передаю сына моего единственного! Охрани его от бед во славу всему христианскому миру!

И все бывшие здесь увидели, как озарилась светом икона и Богоматерь протянула руки: одной, успокаивая, коснулась Марфы, другой — Михаила Федоровича, будто беря его под свою защиту.

Г. Угрюмов
«Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 г.»

И, увидев это чудо, люди заплакали от радости.

Никого не удивляло, что тут же, вместе со всеми, радовался преподобный Сергей Радонежский, чей земной путь окончился 221 год назад. Никого не смущало, что в общее ликование вливался хор ангелов.

14 марта 1613 года Михаил Федорович, Марфа, архиепископ, а вместе с ними и келарь Авраамий, со всем монашеством, воинством, со всеми посланниками, вышли из Ипатьевского монастыря и пошли к Москве. По дороге останавливались в Ростове, в Ярославле и в Переславле-Залесском. Обходили все монастыри, поклонялись чудотворным иконам и нетленным мощам святых.

Так они шли через всю Россию, и многие люди встречали их, кланялись новому царю и радовались тому, что кончилась Смута в России. Люди присоеди-

*А. Рябушкин
«Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате»*

нялись к шествию, и вслед за Михаилом Федоровичем дошли до Троице-Сергиевой лавры, свободной от польской осады. И со всем народом вошел Михаил Федорович в Москву, освобожденную народным ополчением.

Думая лишь о мире для России, вскоре подписал русский царь с поляками мир в подмосковном селе Деулино, где и поныне стоит белокаменная церковь, посвященная святому заступнику России Сергию Радонежскому.

Подписав мирный договор, враги смирились с потерей трона, но, уходя из Москвы, остановились у стен так и не покоренной Троице-Сергиевой лавры. Ненавистью горели их глаза, когда смотрели они на оплот русской веры.

Долгим и счастливым для России было царствование Михаила Федоровича, первого из династии Романовых. Правил он 32 года, а всего династия Романовых правила в России триста четыре года.

Героический защитник Троице-Сергиевой лавры, гонец к Минину и Пожарскому, один из освободителей Москвы, посол в Ипатьевскую вотчину Романовых — Авраамий Палицын, забытый всеми, ушел в монастырь на далеких Соловецких островах. Там он провел семь последних лет своей жизни, посвятив их описанию увиденного и пережитого. Благодаря его трудам мы узнали многие трагические, но и героические страницы нашей истории. Свою книгу он назвал «Осада Троицы».

Эта история произошла на русских землях, пространстве, ограниченном тремя монастырями: Ипатьевским — у Костромы, Троице-Сергиевым — близ Москвы и Соловецким — на островах в Белом море. Эти обители, основанные чудесным образом Зосимой, Сергием, Савватием и Германом, спасли Россию. И спасали еще много раз...

КРЫЛЬЯ АНГЕЛЬСКИЕ

Русскую святость сравнивают с ангелом Господним: тело его — преподобный Сергей Радонежский, а крылья ангельские — это святые Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. Для полета нужны оба крыла: на одном можно лишь упасть в бездну и разбиться о земную твердь. Нил и Иосиф... До пострижения у них было одно имя — Иван (Майков и Санин). Оба выросли в подмосковных селах, рано нашли свой путь в монашестве, слыли великими мудрецами, учителями жизни.

Оба они жили пятьсот лет назад — на рубеже XV и XVI веков. Но лики их проступают через завесу веков по-разному...

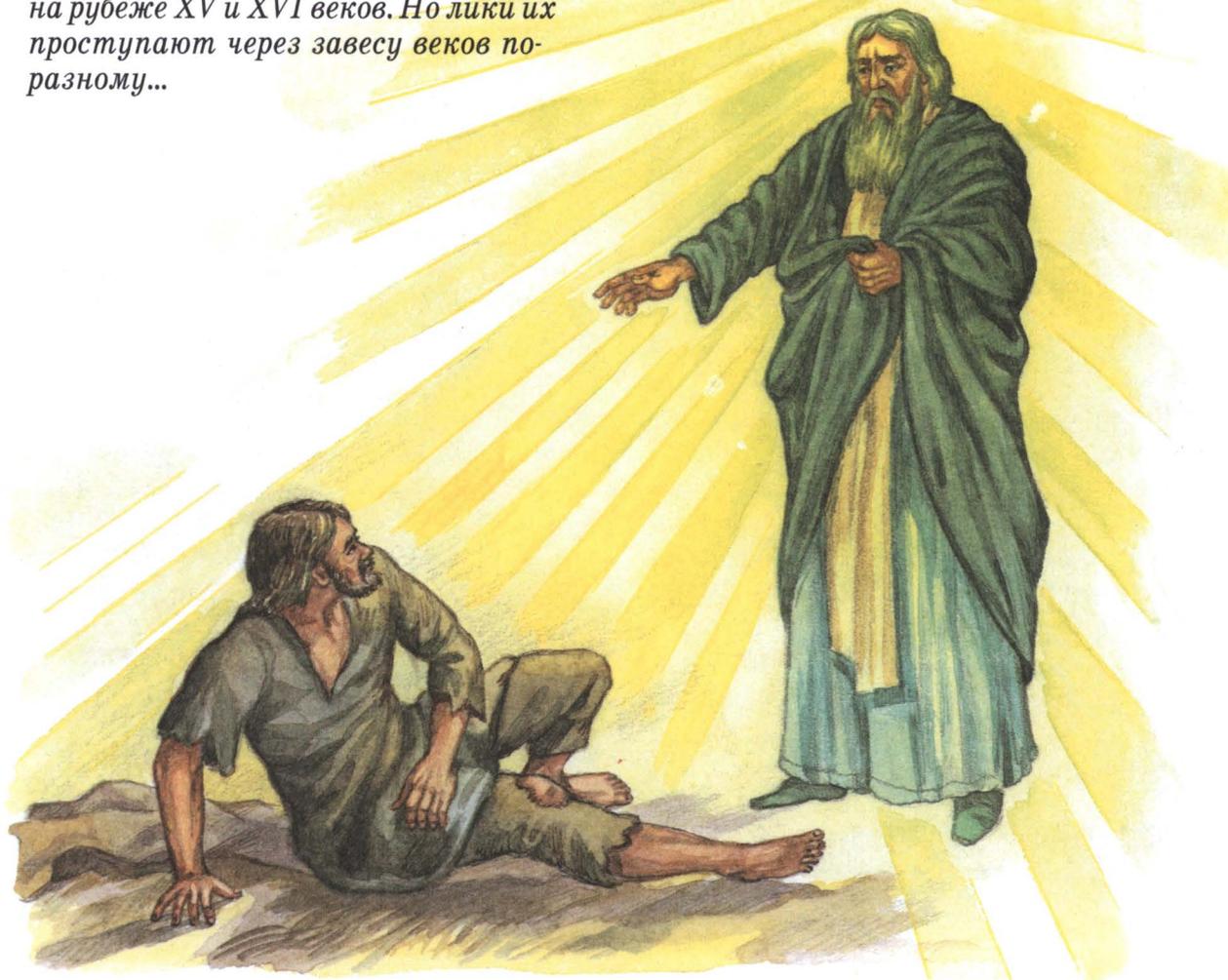
ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА

Один русский человек, родом москвич, был захвачен в плен турками и упрятан в подземную тюрьму, где провел многие годы без надежды на освобождение. Он тосковал по Родине, по своей семье, каждый день просил у Господа помощи, молился об избавлении от плена. Часто он впадал в отчаяние, проливал слезы. Однажды после молитвы, весь в слезах, он уснул. Едва погрузился в сон, как перед ним появился святой старец, освещенный внутренним светом. Он подошел к спящему и сказал:

— Напиши лик преподобного Нила. За этот подвиг тебе будет даровано освобождение из плена и возвращение на Родину...

Пленник протянул руки к старцу:

— Кто он? Я никогда не слышал о нем! Где жил и чем прославился? Я никогда не

видел его, ничего не знаю о святом монахе. Как же я могу написать его лик? Это непосильная задача! Никогда, никогда я не смогу этого сделать и останусь в тюрьме навсегда!

— Многого тебе поведать не могу — слишком кратко время моего пребывания на земле. Скажу только, что Нил жил в пределах Кирилло-Белозерского монастыря, в пятнадцати верстах от него, на речке Соре. Оттого и прозвали его Нил Сорский...

Еще не договорил старец, а тихий свет начал таять, и последние слова прозвучали, когда святой уже исчез.

Утром пленник был задумчив, но печаль оставила его. Отныне он думал лишь о том, как исполнить завет... И вновь рассуждал сам с собой:

— Теперь я знаю, где он жил, но каков был лицом? И не он ли приходил ко мне в светозарном ангельском облике? Да, это он, преподобный Нил, который из скромности не открывается мне! Но я не

могу разглядеть его — слишком сильный свет исходит от старца, слепит глаза. А если я не смогу увидеть его, то как смогу изобразить? Без его помощи этот труд не по силам мне, несовершенному...

Остаток дня он провел в молитвах, в которых обращался к преподобному Нилу Сорскому, чтобы тот яснее явил лик свой. А ночью светозарный старец пришел к нему:

— Увы, не могу я умерить сияние, как ты о том просишь, но в моих силах все же помочь тебе. Вот, оставляю на ложе твоём этот лист. Возьми его, человек Божий, и с ним ступай в Русскую землю!

— Как же смогу я выйти из тюрьмы, которую стерегут турки со всех сторон?!

И услышал в ответ слова, сказанные старцем:

— Иди ночью в степь. Там увидишь перед собой яркую звезду — следуй за ней и избежнешь врагов своих.

Ночью дверь камеры оказалась открытой, пленник беспрепятственно вы-

шел, прошел узкими коридорами, поднялся по лестнице наверх и полной грудью вдохнул живительный воздух, полный ароматов земли.

Не встретив охранников и ничему больше не удивляясь, веря лишь в помощь Бога, вышел он в степь и увидел в ночном небе яркую звезду, которая словно манила его к себе, указывая путь к спасению.

Так и шел он на свет звезды всю ночь, а как только взошло солнце, услышал беглец за собой конский топот и крики преследователей! Упал он в траву и стал молить Бога, чтобы тот защитил его от врагов. И, будто прикрытый облаком, остался он невидимым для турок — те проехали мимо. Беглец без опаски пошел через степь дальше.

Но враги ждали у реки. Увидев его, закричали дикими голосами, ринулись на него с обнаженными саблями, собираясь зарубить беглеца. Он же бросился в реку и, нырнув, долго не показывался на поверхности.

Турки, решив, что он утонул, вернулись в свой город. Беглец выбрался на

берег и возблагодарил Господа и святого Нила за помощь.

От реки пошел он домой через русские земли. В пути ему помогали местные поселенцы — кормили, поили, давали приют и одежду.

Так добрался он до Москвы, но прежде чем идти домой, отыскал иконописца и вручил ему лист с ликом Нила Сорского. Только после этого смог обнять он жену и остальных домочадцев. Придя в себя, бывший турецкий узник созвал священников, монахов и нищих на трапезу. И рассказал, как Господь избавил его от плена.

Когда же иконописец исполнил свою работу, отправили икону в Нило-Сорскую пустынь, что рядом с Кирилло-Белозерским монастырем. Икона эта и поныне находится там и исцеляет немощных...

*В. Маковский
«Иконник»*

ДОЛИНА ПЕЧАЛИ

Эта история произошла в подмосковном городе Волоколамске, вблизи которого стоит Иосифо-Волоколамский монастырь.

Один человек, наш с вами современник, лишившись работы, подрабатывал тем, что копал колодцы. На большой глубине его лопата вдруг с глухим звуком ударилась обо что-то твердое...

— Клад, — мелькнула шальная мысль, но он ее тут же отбросил и принялся руками разгребать глину с прямоугольного предмета, оказавшегося всего лишь старой доской.

Вздыхнув печально, — все же он думал найти нечто более ценное — человек очистил поверхность доски и замер, пораженный увиденным! На лицевой стороне доски была написана древняя икона, чьи краски не утратили своей яркости. С изумительным мастерством иконописец изобразил во всех деталях строения Иосифо-Воло-

коламского монастыря, над которым в небесах парила сама Богоматерь и держала покров над монастырем. Перед воротами стоял его основатель — Иосиф Волоцкий. Тщательно были выписаны его одежды, но лицо преподобного было сожжено! Икона сохранилась, выглядела так свежо, будто только вчера вышла из иконописной мастерской, а самая главная ее деталь — лик преподобного — была уничтожена! Произошло сие не случайно — в этом было знамение.

Чем пристальнее вглядывался человек в икону, тем больше погружался в ее пространство: расплывались контуры рисунка, наполнялись солнечным светом краски, слышалось птичье пение, доносившееся из далеких времен пятивековой давности. И виделись ему картины, которых не было на иконе...

Вот, суровый лицом, чернобородый монах что-то говорит князю. И, как бы вает во сне, понял он, что эти люди — преподобный Иосиф Волоцкий и удельный князь Борис Васильевич. Без слов догадался копатель, что говорит монах о желании основать близ древнего града монастырь. И князь соглашается с желанием преподобного и отправляет своего егеря на поиски подходящего места для монастыря... Вот скачет егерь по лесам — шарахается его конь от кустов, в которых прячется дикий кабан. И вдруг потемнело небо, пронесся по вершинам деревьев ветер, протяжно, будто чувствуя неминуемую беду, заскрипели стволы столетних елей. Ветер же, все нарастая, превратился в настоящий ураган, который, будто смерть косой, косил без пощады и дубы-великаны, и молодые березки, и кусты орешника. С предсмертным стоном падали деревья, с треском ломались их ветви, гулко ухали стволы, ударяясь о землю. В небе глухо рокотало: слов не разобрать, но понятно было, что не гром это, а слова гневные.

Как зачарованный смотрел на буйство природы княжеский егерь. Не замечал, что и ему грозит смертельная опасность, хотя огромные стволы падали совсем рядом. Когда же ураган миновал и стих небесный грозный рокот, открылась среди леса долина печали — пустое место, оговоренное кучами бурелома.

И не было радости в той долине — только печаль.

Егерь наконец пришел в себя, осмотрелся: вокруг него лежали деревья, только назад вела узкая тропинка, по которой он и поехал, возвращаясь в княжеский дворец.

Как мог рассказал о грозном видении, но не озадачил тем ни князя, ни монаха. Воскликнул Иосиф, воздев в ликовании руки: «Вот и славно! Очистил Господь место от диких лесов для монастыря. Там, вдали от шума и суеты, воздвигну обитель!»

И поехал Иосиф с монахами в леса, к расчищенной долине печали, а как добрался туда, так вновь взбунтовалась природа: завыл ветер, закачались деревья. Снова налетел ураган, круша все вокруг. И будто угрозы звучали с небес.

И. Шишкин
«Бурелом»

Смотрел на икону копавший колодец человек и видел там, в буйстве урагана, лицо, которое неведомые люди сожгли на расписанной доске.

Человек отбросил от себя найденную икону. Он понял, почему сожгли этот мрачный лик, а саму икону закопали поглубже в землю. У него мелькнула мысль отправить находку обратно в яму, а колодец устроить в ином месте. Но потом он передумал: отнес старинную икону в музей Волоколамска. Она хранится там и сейчас, только не каждому ее показывают...

Конец XV века. В 1480 году русские воины на реке Угре преградили путь ордынцам и те, убоявшись, ушли без боя. На том кончилась власть Золотой Орды над Русью. Нужно было думать, как распорядиться завоеванной свободой, как и чем жить дальше. Ни князья, ни бояре, ни воеводы, ни другие сильные мира сего не могли ответить на эти вопросы. Для этого нужны были великие мыслители, которыми на Руси были монахи-отшельники. В тишине и созерцании, в молитвах и постах они проводили дни своей жизни. И великие истины открывались им. Но истины эти были разные: одному учил Нил Сорский, которого называли великим заволжским старцем, совсем иное проповедовал основатель Иосифо-Волоколамского монастыря. По-разному складывался и их жизненный путь.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

У Ивана и Марии Саниных долго не было детей. Они не теряли надежды и молили Господа о ниспослании им наследника. Бог дал им «дитя молитв», которого, как и отца, нарекли Иваном. Поздний ребенок боярина Санина, выходца из Литвы, с самого детства отличался странностью: всегда был замкнут, самоуглублен, его не привлекали обычные игры. Отец, повздыхав, понял, что сын не пойдет на государственную службу, и отдал его в обучение монаху Арсению из Крестовоздвиженской обители, что была неподалеку от их дома. Но что-то не заладилось между учителем и учеником, и Ивана от-

«Преподобный Иосиф Волоцкий». Икона. XVI в.

дали учиться в другой волоколамский монастырь. Но и там он долго не задержался — пошел ума набираться у старика Варсонофия, который жил уединенно в Тверской земле. Чем-то старцу юноша не приглянулся, и направил он его дальше — в Боровский Пафнутьев монастырь. Тут Иван был пострижен в монахи и получил новое имя — Иосиф. Старался во всем угождать игумену, завоевать его доверие. И после смерти Пафнутия сам возглавил монастырь, но вскоре был изгнан оттуда братией. Иосиф попытался ввести в обители строгий устав, но боровские монахи, много работавшие на монастырских землях и любившие хорошо поесть, не хотели отказываться от привычек здоровой жизни.

Изгнанный игумен отправился по России, шел от монастыря к монастырю.

Так добрался он до русской обители книжной премудрости — до Кирилло-Белозерского монастыря. Тут ему понравилось больше, чем в других местах, но все же и здесь показалось недостаточно хорошо. От Белого озера вернулся он было назад, в Боровск, но оттуда вновь был изгнан монахами. Вот тогда-то Иосиф, вернувшись в родной Волоколамск, попросил у местного князя помощи в создании совершенно нового монастыря. Помощь эта была охотно оказана, и Иосиф вновь стал игуменом, заведя в обители особые порядки: монахи одевались очень бедно, не смели поднимать глаз от пола, ходили по определенным маршрутам... Собственно, это была монастырская тюрьма, из которой был один выход — на небеса! Впрочем, порядки были не для всех одинаковы: те, кто отдавал все свое состояние монастырю, имели поблажки: и одеваться могли потеплее, и ели лучше остальных.

М. Нестеров. «Под благовест»

НИЛ СОРСКИЙ

Совсем иначе складывалась жизнь Ивана Майкова. Он был старше Иосифа, родился в 1433 году в одной из подмосковных деревень, в простой крестьянской семье. Ему не искали учителей — Иван сам пошел через всю Россию в Кирилло-Белозерский монастырь и был там пострижен в монахи под именем Нила. Так, еще юношей, Нил стал переписчиком книг в самой богатой библиотеке России. В то время переписывание книг было единственным средством распространения знаний и единственной возможностью самообразования. Юный монах, изучив греческий язык, читал труды великих мудрецов прошлого: Ефрема и Исаака Сириных, Нила Синайского и Иоанна Златоуста, Василия Великого и Иоанна Лествичника, Максима Исповедника и Григория Синаита, забытых многими в наши дни.

Обогадившись знаниями, Нил отправился в дальние странствия — на священную гору Афон, где узнал учение христиан-молчальников. Уединившись, они читали молитвы, чтобы чудесным образом увидеть Иисуса Христа. Так и сам Иисус в своей земной жизни удалялся в пустыню для сосредоточения и размышлений. Нил многому научился у них. Затем отправился дальше — в Палестину. Слушал зажигательные речи монаха Савонаролы во Флоренции, но они ему не понравились: тот призывал к крайнему аскетизму и даже сжиганию произведений искусства. Был Нил и в столице Византии Константинополе, много времени провел там в библиотеках, читая своих любимых авторов, известных ему со времен ученичества в Кирилло-Белозерском монастыре.

Проведя 10 лет в странствиях, в 1486 году Нил вернулся в родную обитель. Здесь он поселился отдельно от братии в дикой глухой местности, но постепенно к нему приходили ученики, братство которых потом было названо «Лесной академией». Стекавшихся сюда со всех сторон учеников Нил наставлял, что монахи как истинные мудрецы должны не стремиться к богатству, а жить скромно, кормясь делом рук своих. Он учил и тому, как совершенствовать себя духовно...

Неизбежно пути двух учителей — Иосифа Волоцкого и Нила Сорского — должны были пересечься. Они и пересеклись — дважды: на Соборах 1490 и 1503 годов.

...На Соборах — собраниях высших должностных лиц церкви, на которых присутствовал и царь, решались важнейшие вопросы жизни государства.

*И. Крамской
«Христос в пустыне»*

В 1490 году Иосиф Волоцкий требовал, чтобы еретиков без жалости сжигали на кострах, не принимая во внимание их раскаяние. Нил же говорил, что заблуждающихся нужно убеждать словом: истина всегда выше заблуждения. А искренне раскаявшихся нужно прощать... В этом споре победил тихий голос северного отшельника Нила Сорского.

Собор 1503 года протекал вяло, начали было снова говорить о еретиках, но царь Иван III не поддержал разговор. Иосиф Волоцкий, не дождавшись окончания Собора, уехал. И тогда с места поднялся Нил Сорский: как обычно тихо, не возвышая голоса, он начал говорить о том, что монастыри не должны уподобляться боярским вотчинам. Монахи, думая о спасении души, должны не богатеть, а жить только за счет своих трудов. Царь, патриарх и многие другие, слушая Нила, согласно кивали, соглашаясь с великим старцем.

Один из монахов тихо вышел из храма и уже во дворе крикнул конюху:

— Коня седлай, живо!

Подали коня, монах лихо вскочил в седло и погнал во весь опор — догонять Иосифа.

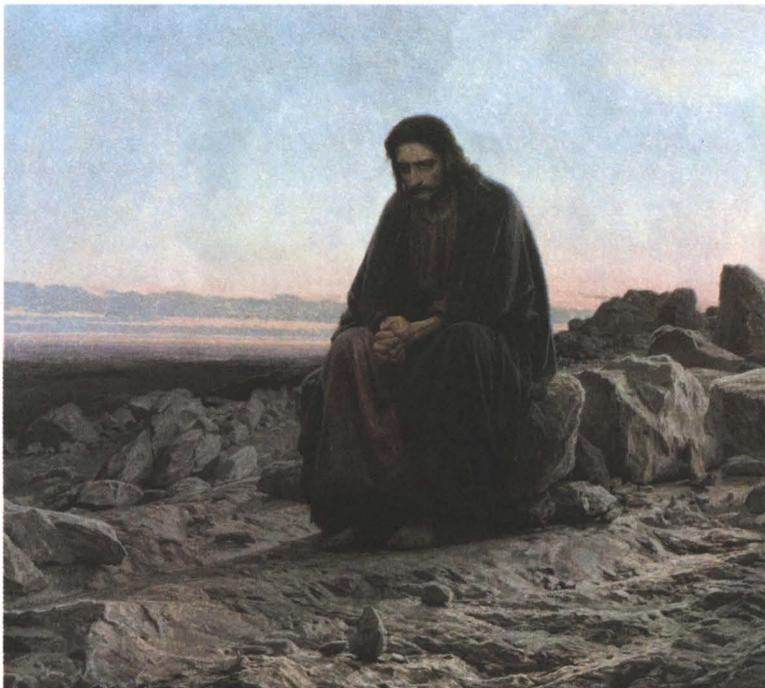
Заметив игумена еще издали, закричал:

— Отче! Отче, беда!

Игумен велел остановить лошадей, строго спросил у гонца:

— Ну, что там еще стряслось? Говори толком!

— На Соборе старец Нил взял слово... Говорит, что монастырям земель

иметь не положено, что нужно жить по заветам Господа нашего, в бедности. Царь и патриарх, слушая его, кивают, соглашаются!

— Ах ты!.. — выкрикнул Иосиф, чуть было не выругавшись, забыв о своем сане. — Поворачивай коней. Гони во всю мочь!

Как вихрь ворвался он в храм, еще с порога закричал зычным голосом:

— Что проповедуешь, старче? Бедности нас учишь?! А подумал ли ты о том, что если у монастырей сел не будет, то ни один благородный человек не захочет уйти в такой монастырь! Кого может привлечь нищета? А если среди монахов не будет благородных людей, то кому быть митрополитами, и архиепископами, и епископами! А если не будет митрополитов и архиепископов, то всей нашей вере придет конец! Еретика возьмут власть! Этому ты учишь нас, старче? А если монастыри станут нищими, то кто, в случае беды, людям поможет? Да если все монахи будут по лесам прятаться, то и вообще не будет в России ни прекрасных монастырей,

ни сильных крепостей! Тогда любой враг приходи сюда и бери нас голыми руками!

Долго кричал Иосиф. Все церковники поддержали Иосифа:

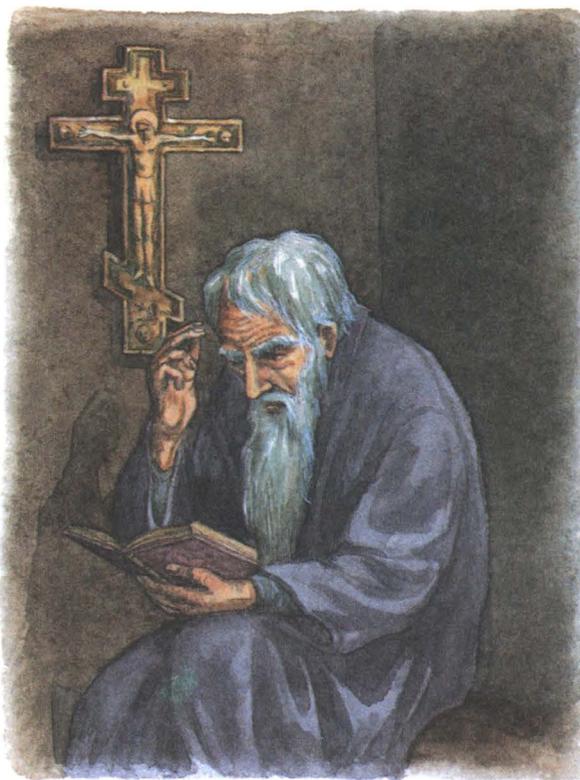
— Верно, верно говорит... Что же нам, с сумой по миру идти? Пусть сам Нил нищенствует, кормится делом рук своих, а мы проживем на деньги мирян...

Молчал Нил. Понял он, что этот Собор — лишь самое начало великого спора, который захватит всю Русь. Потому он молча встал и вышел из храма: не желал подбрасывать дров в разгорающееся пламя спора.

Победил оставшийся на Соборе Иосиф: убедил церковников, что лучше быть богатыми, владеть землями, крестьянами, капиталами. И потому было издано постановление: монастырю можно иметь земли и крестьян. Ту бумагу несколько раз отдавали царю на подпись, несколько раз он возвращал ее, но в конце концов подписал.

С тех пор церковь разделилась на две части: обители Русского Севера жили по заветам Нила Сорского, а Московское священство, а с ним и остальные обители России — так, как учил Иосиф Волоцкий. И много от этого бед приключилось...

*М. Нестеров
«Лисичка»*

**«ОСТАВЬТЕ ТЕЛО МОЕ
В ЭТОЙ ГЛУШИ...»**

После Собора 1503 года Нил больше не покидал своей обители. Он с головой погрузился в писательскую работу. Как и прежде, переписывал книги древних мудрецов, веря, что они помогут последующим поколениям найти истину. Пишет он и монастырский устав, а также завещание: «Когда я умру, оставьте тело мое в этой глуши — пусть достанется оно на съедение диким зверям и птицам, так как тело это много согрешило и не достойно погребения. Об одном молю всех: пусть помолятся о душе моей. И прощения у всех прошу, и им от меня прощение. Бог да простит нас!»

Как истинный христианин Нил не нажил никакого добра, разве только книги, которые завещал своим ученикам. В ночь на 7 мая 1508 года великий старец тихо ушел в мир иной.

Ученики же его, нарушив завещание Нила, погребли старца как положено и над могилой поставили деревянную

церквушку, которая стоит в Нило-Сорской пустыни и в наши дни. Это место было свято для русских людей. Цари России щедро жертвовали деньги Иосифо-Волоколамскому монастырю, но душой тянулись на север, к Кирилло-Белозерской обители, к пустыни преподобного Нила.

Царь Иван Грозный велел на могиле Нила соорудить каменную церковь. Преподобный явился к нему во сне и сказал: «Всю жизнь я был противником стяжательства. Ушел, не оставив после себя богатства. Не позорь же меня, великий государь, по смерти моей...»

Смущенный этими словами, Иван Грозный вскоре уехал из обители.

*И. Левитан
«Тихая обитель»*

Русскую землю называют Святой Русью, потому что в ней в разное время жило великое множество людей, особо отмеченных Господом, — святых. У одних святость была направлена на обращение язычников в православную веру, у других — на укрепление обороны Святой Руси от иноверцев. У третьих — на строительство церквей и монастырей. Буквально каждый день года в православных храмах вспоминают имена и дела того или иного из этих людей, посвятивших всю свою жизнь служению Богу. Но вне стен церквей русских святых вспоминают редко, а подчас и вовсе не помнят. Мы хотели напомнить читателям лишь о некоторых из них и пробудить интерес не только к истории церкви, но и к истории Государства Российского.

Содержание

Предисловие.....	3
Троице-Сергиева лавра.....	4
Соловецкий монастырь	9
«Доброе имя пребывает вовек...»	14
Ипатьевский монастырь	22
Староста Иван Сусанин.....	26
Царь Михаил Федорович	34
Крылья ангельские.....	37
Чудесное спасение из плена.....	37
Долина печали	40
Святость Руси	42
Иосиф Волоцкий.....	42
Нил Сорский.....	43
«Оставьте тело мое в этой глуши...».....	46

Виктор Иванович Калашников

Легенды русских монастырей

Для среднего школьного возраста

Книга о реальных событиях и о чудесных явлениях ангелов, которые указали место, где должны были стоять самые известные русские обители.

Художник Александр Иванович Чаузов

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Научный редактор В.И. Михайлов
Корректор Н. Старостина
Сканирование: О. Кругова
Компьютерная верстка: С. Карпачева

ISBN 5-7793-0460-2

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63
E-mail: belygorod@mail.ru

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 20.02.2002
Гарнитура SchoolBook; печать офсет.
Бумага офсетная. Формат 84 x 108, 1/16.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0202530.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:

САМОЗВАНЦЫ
АЛЕКСАНДР I
НИКОЛАЙ I
РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ
РУССКИЕ ЖИВОПИСЦЫ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
ВОЙНА НАРОДНАЯ
СВЯТЫНИ РОССИИ
РУССКИЕ КОЛУМБЫ
НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

ISBN 5-7793-0460-2

9 785779 304603

ЛЕГЕНДЫ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ

Святой Сергий Радонежский — основатель Троице-Сергиевой лавры

Уникальные шедевры древнерусского искусства рождались в стенах монастырей

Трудное время пережила Троице-Сергиева лавра во времена польско-литовского нашествия

Преподобный Нил Сорский, по заветам которого жили монастыри Русского Севера

И явились Кириллу ангелы, и повелели идти в дальние края, чтобы основать там обитель, равной которой не было и нет на Руси

Соловецкий монастырь — это крепость на Белом море с дивными храмами и садами, созданная неустанными трудами монахов

БЕЛЫЙ ГОРОД

